

Рецензия на книгу

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-223-231>

Доказывание: «уголовно-процессуальное» versus «криминалистическое» (записки на полях одной монографии). Рецензия на книгу: Уголовно-процессуальное доказывание: практика, методология: монография / под. ред. канд. юрид. наук А. Ю. Афанасьева (М.: Юрлитинформ, 2021. 176 с.)

Ковтун Николай Николаевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Kovtunnov@mail.ru

Для цитирования: Ковтун Н. Н. Доказывание: «уголовно-процессуальное» versus «криминалистическое» (записки на полях одной монографии). Рецензия на книгу: Уголовно-процессуальное доказывание: практика, методология: монография / под. ред. канд. юрид. наук А. Ю. Афанасьева (М.: Юрлитинформ, 2021. 176 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 223—231. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-223-231>.

Book review

Proof: «criminal procedural» versus «criminalistic» (notes on the margins of one monograph). Book review: Criminal procedural proof: practice, methodology: monograph / ed. by candidate of legal sciences A. Yu. Afanasyev (Moscow: Yurlitinform Publ., 2021. 176 p.)

Nikolay N. Kovtun

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Kovtunnov@mail.ru

For citation: Kovtun N. N. Proof: "criminal procedural" versus "criminalistic" (notes on the margins of one monograph). Book review: Criminal procedural proof: practice, methodology: monograph / ed. by candidate of legal sciences A. Yu. Afanasyev (Moscow: Yurlitinform Publ., 2021. 176 p.). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 223—231. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-223-231>.

...Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд

*Редьярд Киплинг.
Баллада о Западе и Востоке*

Начиная исследование, авторы монографии справедливо постулируют тезис о том, что именно доказывание составляет суть и основное содержание деятельности в уголовном процессе России. Не менее обоснована и «ремарка» о том, что по факту каждый более или менее состоявшийся в данной отрасли права

исследователь считает чуть ли ни долгом высказаться по этой актуальной тематике, объективировать свое понимание относительно сути и содержания процесса доказывания, его цели, предмета, пределов познания и, естественно, доказательств — средств доказывания. То ли в силу указанного, то ли с учетом (не до конца познанной) криминалистической составляющей процесса доказывания авторы монографии также решили обратиться к этой тематике, предварительно оговорившись в вопросах о том, что их вклад в приращение научного знания будет заключаться в исследовании основ

© Ковтун Н. Н., 2021

его механистической, информационно-познавательной и организационно-деятельностной модели. Данное определение предмета исследования объективно обусловило и формирование авторского коллектива, и консолидацию усилий исследователей, среди которых не только научные деятели, но и практики с опытом работы в следственных и оперативных подразделениях (с. 3).

Как следствие, именно система указанных обстоятельств во многом обусловила интерес к подготовленной монографии, сути основных суждений и авторских выводов, сформированных по итогам исследования, а сами итоги ознакомления с изданной работой настолько не оставили «равнодушными», что стали детерминантами актуализации данной рецензии.

Монография оказалась «нескучной», расширяющей «горизонты», заставляющей думать. Тем более что она подготовлена на достаточно высоком научном уровне и о реальной эрудиции авторов объективно свидетельствует не только ясное понимание, но и точное использование, к примеру, таких специфических терминов, как: «темподесиненция» — растворение во времени (с. 18) или «предикаты» (с. 19). Как следствие, можно долго и содержательно перечислять несомненные достоинства этой работы, подчеркивать ее сущностные акценты, разделять наиболее интересные идеи, принимая их в качестве основы для дальнейших научных исследований. Именно по этим продуктивным векторам, как мы твердо уверены, большинство коллег заинтересовано откликнется на эту работу, всесторонне охарактеризует ее методологический потенциал.

Вместе с тем монография, как и всякое новое, комплексное, по сути, исследование, вызывает вопросы, ибо с одними из суждений и выводов авторов монографии можно интересно поспорить; с другими — в принципе не согласиться. Среди первых, к примеру, суждение о том, что, рассуждая о доказательствах и процессе доказывания в уголовном судопроизводстве России, «нельзя смешивать, но нельзя и отрывать носитель информации от собственно доказательства и доказательства от информации» (с. 18).

Смешивать, тем более «взбалтывать», конечно, не надо. «Отрывать», напротив, крайне полезно; причем как в методических, так и в практических целях. Более того, в практической сфере доказывания указанное, полагаем, происходит постоянно и повсеместно. К примеру, очевидец преступления — реально «носитель»

релевантно значимой информации, но все его (возможные) разговоры «за жизнь» не имеют ни малейшего отношения ни к процессу доказывания, ни к объективации собственно уголовно-процессуальных доказательств. И, напротив, если очевидец допрошен в установленном законом порядке, когда доказательственная информация объективирована в легальной форме «показаний свидетеля», мы имеем и легальный источник предоставления сведений, и само доказательство, и новый материальный носитель последних — «протокол». Именно последний призван обеспечить сохранность полученной информации для целей доказывания. И то, что в силу устности и непосредственности исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ) в суд вызывается и допрашивается непосредственно «первичный» материальный носитель, ничего не меняет в этом вопросе, ибо в суде звучат именно «показания» — единственно легальный и значимый для правосудия источник доказательственной информации. И только в случае отказа данного «носителя» от дачи последних или противоречий в их существенной сути суд правомерно обращается к иному «носителю» — протоколу допроса, устно оглашая и непосредственно исследуя показания по правилам статьи 276 или 281 УПК РФ.

Аналогично обстоит дело и с такими носителями, как предметы материального мира, ибо, являясь исходными источниками доказательственной информации, они неизбежно объективируют ее суть в легальном протоколе осмотра (с указанием места обнаружения и индивидуальных признаков информации); как следствие, мы уже имеем новый законный носитель. При этом «не утрачивается» и первичный, ибо для целей доказывания он, как правило, приобщается в качестве вещественных доказательств по делу. Будучи представленным на экспертизу, он же передает суть информации на иной легальный носитель и источник доказательств — заключение эксперта. При этом в суд, как правило, представляется и непосредственно исследуется (сторонами и судом) и первый, и второй, и третий материальный носитель. В итоге в изначально широко заявленных методологических целях авторам надо было аккуратнее формировать суждения в этих моментах.

Неаккуратны исследователи в определении «ядра» теории доказательств. На с. 20 монографии авторы полагают, что определение уголовно-процессуального доказательства может быть представлено следующим образом:

«Доказательство — это фактические данные, полученные законным путем и отвечающие требованиям проверяемости и относимости, являющиеся основаниями для принятия уголовно-процессуальных решений на различных стадиях судопроизводства». Если не принимать во внимание частности, можно согласиться с указанным, ибо определение включает в себя практически все признаки доказательства с акцентуацией фактической сути исходной информации, законного порядка ее получения и преобразования в собственно доказательство, свойств проверяемости и относимости информации для процесса и предмета доказывания. Отсюда справедливо, что аналогичные по сути подходы преимущественно восприняты как уголовно-процессуальной доктриной, так и субъектами практического процесса доказывания, не вызывая ни особых коллизий, ни возражений и споров.

Однако авторов подобное состояние доктрины и практики, видимо, «не устраивает»; стремление к «новизне», акцентуации определяющих криминалистических свойств исследуемого явления, к определенному вкладу в науку заставляет их максимально «улучшить» определяющее понятие теории доказательств и доказывания. В итоге на с. 73 работы они предлагают иное определение: «доказательство — это уголовно-процессуальная категория, совокупность признаков, посредством приобретения которых то или иное вербальное или невербальное отражение преступной деятельности может стать таковым». В этом определении доказательство — уже не фактические данные (сведения (информация) о релевантно значимых фактах), а процессуальная категория. Содержание последней: совокупность (неведомых и в принципе не раскрытых авторами) признаков. Законный путь (процессуальная форма) преобразования исходной информации в собственно доказательство замещен неизвестным и не ясно как верифицируемым процессом «приобретения свойств». В итоге возьмем на себя смелость утверждать, что ни процессуальная доктрина, ни практика, скорее всего, не воспримут суть столь чудно объективированной категории. Не воспримет ее и суд, ибо обосновывать приговор «категориями», решать основной вопрос уголовного дела на основе «приобретения» последней неведомых свойств можно разве что в рамках интересной дискуссии, но никак не в ходе законного отправления правосудия.

Двойственность в понимании доказательства и их легальных источников еще не раз проявляет

себя в суждениях и итоговых констатациях авторов, ибо, к примеру, на с. 75 монографии показания участников процесса, заключение эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы уверенно именуется доказательствами по делу. Напротив, на с. 105 работы (со ссылкой на ч. 2 ст. 74 УПК РФ) не менее уверенно утверждается, что это источники доказательств. На с. 68, 84 монографии авторы констатируют, что именно информация — суть содержание доказательства (и сложно не согласиться с указанным), но на с. 105 работы некое «смятение» для сформированной убежденности вызывают тезисы о том, что: «Фактическая база уголовно-процессуальных решений — доказательства, не является абсолютной истиной, поскольку в законе содержится прямое указание, что основанием принятия решения являются в том числе и данные. Таким образом, обоснованность решения — это подтверждение отраженных в нем фактов доказательствами и иными данными».

В обоснование «особости» указанных «...иных данных» авторы ссылаются на нормы части 2 статьи 140 УПК РФ, по сути которых «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Между тем, доктрина и практика, как представляется, давно определилась в этих моментах, постулируя практически однозначный вывод о том, что категория «данные» («фактические данные») в уголовном процессе России — суть доказательства (сведения, информация о фактических обстоятельствах дела).

Полагаем, спорно также суждение, что «Теория доказательств...» (в уголовном процессе. — Н. К.) [1] описывает и объясняет исключительно виды источников доказательств (с. 57). Наши возражения, полагаем, разделит большинство процессуалистов, знакомых с полным содержанием и сутью итоговых выводов этой подлинно фундаментальной и выдержавшей испытание временем монографии.

В итоге то ли в силу отсутствия исходной определенности в сути основных категорий исследования, то ли в силу вполне объяснимого стремления исследователей найти в каждой из норм УПК РФ признаки и свойства исследуемых явлений процесс обоснования основных положений работы «приводит» к тому, что процессуальные доказательства видятся авторам всюду. К примеру, в нормах статьи 220 главы 30 и в статье 225 главы 31 УПК РФ. Именно в последних,

как они утверждают, «раскрывается содержание таких доказательств, как обвинительное заключение и обвинительный акт соответственно» (с. 32). Между тем представлялось известным, что первый и второй акт — суть решения досудебного этапа производства по делу, а не собственно доказательства (и это в дальнейшем неоднократно признается и авторами; с. 107, 113, 117, 121, 139, 145). Во-вторых, если все же предположить, что эти акты — суть доказательства, коллеги никак не поясняют, к какому виду легальных источников следует их отнести (ч. 2 ст. 74 УПК РФ); как эти процессуальные акты одновременно являются и доказательством, и максимально содержат в себе (должны содержать!) не только детальное описание инкриминируемых обвиняемому преступных деяний, но и объективный анализ системы доказательств стороны обвинения и защиты. В итоге либо мы имеем некое «сверх-доказательство» с системой (менее значимых) доказательств внутри, либо авторы что-то напутали в этом вопросе. Хотя, возможно, это та самая «кантовская вещь в себе», которую рецензенты так и не сумели объективно понять и принять.

В контексте аналогичных по сути суждений (с. 33, 34) столь же сложно понять, насколько реально к сути доказывания и доказательственного права России имеют нормы:

— «регламентирующие порядок задержания подозреваемого (ст. 91, 92, 94—96) и вопросы избрания мер пресечения (ст. 97—110); «...призванные раскрыть порядок привлечения в качестве обвиняемого (ст. 171, 172, 175) или направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору (ст. 215—219)». При условии, конечно, что порядок — это процедура, строгая процессуальная форма (обряд) реализации тех или иных процессуальных решений и действий в уголовном судопроизводстве России, но никак не суть или содержание процесса доказывания. Что касается норм ст. 215—219 УПК РФ, то последние также раскрывают не порядок направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением, как утверждают авторы, а процедуру (процессуальную форму) ознакомления с материалами дела, оконченого расследованием, всех заинтересованных лиц, обеспечения гарантий обвиняемого, установленных частью 5 статьи 217 УПК РФ и т. п.;

— «раскрывающие особенности избрания в качестве меры пресечения заключение под стражу при производстве предварительного расследования в форме дознания» (ст. 224). И здесь возразим, ибо нормы данной статьи

не обеспечивают процесс доказывания, как утверждают авторы, а по букве статьи 100 УПК РФ обеспечивают соблюдение одной из важнейших процессуальных гарантий в части ограничения применения мер пресечения к подозреваемым (строго определенным в законе сроком).

Можно далее спорить по «частностям» этой интересной работы, но вряд ли этот подход будет оптимальным как для целей исследования, так и объективированных его результатов. В данной связи, отталкиваясь от тезиса о том, что «надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь...» [2], обратимся к тем разделам работы, которые, на наш взгляд, определяют суть авторской идеи, основной вектор предпринятого исследования, систему его итоговых выводов. Таким звеном (звеньями), на наш взгляд, являются параграф 3 главы 1 монографии «Уровни уголовно-процессуального доказывания» и subsidiарно его «поясняющий» параграф 2 главы 2 работы «Механизм преобразования информации в доказательство». В итоге именно на сути и содержании сформированных в этих разделах суждений и выводов, мы и остановимся более скрупулезно.

Суть авторской идеи «об уровнях уголовно-процессуального доказывания» предваряет тезис о том, что теперь, когда заинтересованным лицам (по итогам обзора суждений доктрины — Н. К.) в целом известно, что именно «...является структурообразующей составляющей доказывания по уголовному делу», можно предпринять попытку представления структуры уголовно-процессуального доказывания в виде пяти авторских уровней. Соответственно, как концепция в работе представлены следующие уровни доказывания по уголовному делу (подчеркнем, «...по уголовному делу», соответственно, следует полагать, что в стадии возбуждения уголовного дела нет никакого доказывания и никаких «...уровней»): 1) уровень установления источников информации; 2) информационно-аналитический уровень; 3) уровень доказательств; 4) уровень установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; 5) уровень установления предмета доказывания (с. 39, 40).

Далее, видимо, в дидактических целях авторы монографии приводят таблицу, поясняющую, из каких именно содержательных элементов состоит тот или иной уровень уголовно-процессуального доказывания и соответственно каким именно способом осуществляется исследуемое доказывание на том или ином уровне (табл. 2).

Правда, скорее всего, не ввиду оплошности авторов, а по сугубо техническим (редакционным) причинам в таблице оказалось не пять заявленных уровней, а всего четыре. Тем не менее это в принципе не проблема для заинтересованных лиц, стремящихся реально понять и усвоить сущность и содержание указанных уровней, ибо далее (с. 41—44) исследователи еще раз (более содержательно и скрупулезно) раскрывают свои подходы в этих исходных моментах. В итоге при ознакомлении как с приведенной таблицей, так и сутью предложенных пояснений закономерно возникли вопросы. К примеру.

При пояснении (первого) «уровня установления информационных источников» авторам видится, что последний «включает в себя еще один уровень, который имеет право на самостоятельное существование» (с. 41). Предположим, имеет. Но отчего тогда авторы никак не решаются, во-первых, более или менее точно «именовать» указанный уровень для целей исследования и обучения адресатов; вставить его в таблицу, в исходные тезисы. Кроме того, пояснить, из чего именно состоит этот «самостоятельный» уровень, каким именно путем он «осуществляется» (как это реализовано в таблице и пояснениях применительно к иным заявленным уровням). Во-вторых, надо бы точно определить «момент начала действия этого уровня и момент окончания», тем более что авторы инициативно подчеркивают, что это уместно (с. 41). Для понимания надо бы определиться и в том: сколько все же (авторских) уровней в исследуемом доказывании: пять (как заявлено на с. 40), четыре (как приведено в табл. 2) или шесть (как в «поясняющих» рассуждениях авторов на с. 41 работы). Новизна и актуальность концепции в указанном случае, полагаем, возрастут качественно и количественно.

Ничего подобного в монографии нет, так как более уместными авторам видятся пояснения, по сути которых (на этом уровне) «...первоначально должностные лица наталкиваются на источник информации, то есть на субъект или предмет, порождающий информацию и предоставляющий ее». В итоге «происходит контакт с данными источниками, предоставляющими в последующем информацию. Ведь первоначально, еще раз уточняют авторы, должностные лица (осуществляющие первый уровень уголовно-процессуального доказывания. — Н. К.) наталкиваются на источник информации, то есть на субъект или предмет, порождающий информацию и предоставляющий ее в виде сообщения, а не на саму информацию. Источником

информации могут выступать объекты материального мира, люди. Например, источником информации является заявление о преступлении, сам заявитель, место совершения преступления и т. д.» (с. 41).

На этом уровне, наконец, суммируют авторы «происходит работа с источниками информации — их обнаружение, дальнейшая проверка и оценка сведений, полученных из этих источников. Это осуществляется при помощи органов чувств, проверка и оценка при помощи мыслительной деятельности человека». В итоге формируются первые, предположительные версии совершенного деяния (с. 42).

Разъяснено, признаем, исчерпывающе. Тем не менее, попробуем разобраться в сути и содержании тезисов, которые авторы методологически точно пытаются донести до заинтересованной аудитории. Итак, у нас в наличии первый уровень уголовно-процессуального доказывания, и именно на этом уровне должностные лица, осуществляющие доказывание, то ли вступают «в контакт», то ли «наталкиваются» на источники информации, порождающие информацию и предоставляющие ее в виде неких неведомых «сообщений», которые, запомним, точно не информации. Источниками указанных «сообщений», как поясняют, могут быть заявление о преступлении, сам заявитель, место совершения преступления. Соответственно, первый вопрос, который возникает у обучаемых или дилетантов к сути предлагаемых уровней: в силу каких обстоятельств авторы отрицают информационную природу сообщения о преступлении или еще более информационную составляющую — осмотр места происшествия?

Хотя нет, извините. На этом уровне доказывания нет ни осмотра места происшествия, предусмотренного нормами статьи 176 УПК РФ, ни приема заявления о преступлении по правилам статьи 141 УПК РФ. На источники просто «натолкнулись» или с ними вступили в (астральный) контакт? В рамках каких именно отношений, в каком состоянии — авторы не поясняют, но то, что эти отношения не уголовно-процессуальные, а иной (возможно, трансцендентной) природы, указывают и методы работы с данными источниками, к которым апеллируют авторы: все происходит на уровне чувств. Впрочем, проверка и оценка пригодности источников — еще и при помощи мыслительной деятельности. Конвенционально оставим за рамками спора тезис о том, что проверка — суть аспекта практической деятельности (ст. 87 УПК РФ); оценка — напротив, мыслительной (ст. 88 УПК РФ). Повторимся,

оставим, ибо эти константы относятся к сфере уголовно-процессуального доказывания, а здесь мы «натолкнулись» или вступили «в контакт» с некими сообщениями и предметами. Следует помнить и то, что доказательств здесь в принципе нет, ибо они, если и «появятся», то лишь на третьем авторском уровне; ранее — никак. В итоге единственное, что осталось понять: какие именно основания позволяют авторам монографии именовать этот уровень именно уголовно-процессуальным доказыванием.

Второй (информационно-аналитический) уровень призван выделить из общей информации те сведения, которые имеют или могут иметь доказательственное значение. Осуществляется он при производстве следственных и иных процессуальных действий, качеству которых, акцентируют авторы, следует уделить особое внимание. Немаловажным является и то, что на этом уровне происходит анализ выдвинутых ранее версий, ставится вопрос о возможности их существования. Тем самым, резюмируют авторы, количество версий сокращается (с. 42, 43).

Все кратко и в целом понятно. Правда, невольно обращаешь внимание на то, что уровень информационно-аналитический (мыслительный), а вот осуществляется он при помощи практической деятельности по качественному производству следственных и иных процессуальных действий. Хотя есть и новеллы: на уровне уже нет ни «контактов», ни неведомых сообщений (которые, помним, не информация); цель информационно-аналитической деятельности — отбор исключительно доказательственной информации и отсеивание «неправильных» версий. Последние, согласимся, сокращаются. Сокращается и информация, которая «общая», как следствие, «...не доказательственная». Вот только к чему затрачено столько качественных (мысленно-аналитических) усилий по производству следственных действий, если они не привели (не должны были?) к формированию собственно доказательств по делу.

Указанное проясняет третий уровень (уровень доказательств), суть которого, как разъясняют авторы, заключается в том, чтобы придать надлежащую процессуальную форму лишь той доказательственной информации, ради которой собственно и проводились на предыдущем (информационно-аналитическом. — Н. К.) уровне качественные следственные и процессуальные действия. Исключительно для этого вида (полезной!) информации производится документальное оформление: фиксация следственного и иного процессуального действия при помощи

протоколов, постановлений о приобщении вещественных доказательств. Именно после этого «оформления», суммируют авторы, можно свободно оперировать доказательствами. Аллилуйя! Наконец, доказательства.

Однако мы вновь зададимся вопросами. Первый: иная (не доказательственная) информация в подобном процессуальном оформлении вообще не нуждается; к ней авторы вообще не апеллируют, но это уже необъективное, полное и всестороннее уголовно-процессуальное доказывание, а субъективный и однозначно односторонне ориентированный «отбор» исключительно правильных и нужных органам доказательств. Во-вторых, в принципе неясно: действующий УПК РФ действительно позволяет производство качественных следственных и иных процессуальных действий без процессуального составления протоколов, вынесения процессуальных решений, без документирования? Или это «фантомы» новаторской пятишести-уровневой методологии уголовно-процессуального доказывания? Хотя, скорее всего, мы вновь не поняли (не сумели понять), что на предыдущем (втором) уровне следственные и иные процессуальные действия качественно осуществлялись исключительно на мысленном, информационно-аналитическом уровне, но никак не практически, не в реальности.

Четвертый уровень (установления обстоятельств, подлежащих доказыванию) авторы логично коррелируют с нормами статьи 73 УПК РФ. По их мнению, в рамках этого уровня происходит анализ доказательств, полученных на предыдущем уровне, и формирование совокупности доказательств, устанавливающих конкретное обстоятельство, подлежащее доказыванию. Результатом уровня выступает выделение основных версий совершенного преступления (с. 43, 44).

Уровень, отметим, снова аналитический. И именно в рамках этого уровня управомоченные субъекты доказывания, наконец, «вспоминают» об обстоятельствах дела, подлежащих доказыванию. Причем не просто «вспоминают», но и аналитически пытаются понять, к какому именно из обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) можно отнести то или иное доказательство. Дело, признаем, нужное; для процесса доказывания бесполезное. Тем более, что ранее (на третьем уровне!) доказательства, видимо, формировались без всякой ясно осознанной и полезно значимой цели — безотносительно к предмету познания. К четвертому уровню, напротив, «сработал» один из основных

законов материалистической диалектики: «перехода количественных изменений в качественные». Самое время аналитически «примерить» доказательства к конкретным обстоятельствам дела и преступления.

Заключительным (пятым) является уровень установления предмета доказывания. Минутку! Мы вроде уже обращались к предмету доказывания и даже коррелировали его с нормами статьи 73 УПК РФ. Нет, акцентируют авторы, на этом уровне производится анализ обстоятельств (не путать — ранее был анализ доказательств), подлежащих доказыванию. В итоге формируется совокупность таких обстоятельств и устанавливается предмет доказывания, который будет свидетельствовать о достаточности доказательственной базы для принятия решения по делу. То есть речь уже идет о том, что, если установлен предмет доказывания, значит, установлено каждое обстоятельство, подлежащее доказыванию по делу. Завершается уровень составлением следователем обвинительного заключения и формированием главной версии совершенного преступления (с. 44).

«Теперь все ясно», — сказал бы Воланд и постучал длинным пальцем по рукописи. Качественный анализ и выдвижение версий — это все! Умеешь анализировать, значит, сформируешь совокупность (лучше — систему) соответствующих обстоятельств дела; затем установишь предмет доказывания, который будет свидетельствовать о достаточности доказательственной базы для принятия итоговых процессуальных решений. Установишь, естественно, сам, ибо тот, который установлен законом (как общий предмет доказывания по делу; ст. 73 УПК РФ) — не есть истина и мера вещей. Люди — творцы; люди, анализирующие, творящие бытие и реальность! У авторов монографии нет сомнений в указанном. Как следствие, они считают полезным напомнить оппонентам, «что не следует свято верить в истинность и совершенство норм закона, в частности уголовно-процессуального. Нет никаких бесспорных доводов в пользу имеющейся системы обстоятельств, образующих (легальный. — Н. К.) предмет доказывания. Все это лишь устоявшаяся традиция, дань времени, заставляющая правоприменителей в иной раз прибегнуть к неразумным и нелогичным действиям и решениям» (с. 46).

В итоге верить надо только в себя или себе; а вовремя и правильно установленный предмет доказывания (в необходимой причинно-следственной связи), во-первых, несомненно, «докажет», что обстоятельства преступления

установлены правильно. Во-вторых, а priori достаточно. Правда, надо понять: правильно и достаточно по усмотрению качественно анализирующего субъекта или же объективно, достоверно вне степеней вероятности. Судя по заявленным тезисам, авторы монографии не задаются такими сентенциями. И, поводя итоги параграфа, смело, методологически точно итожат: только указанный путь «позволяет достичь успеха при производстве по уголовному делу и предостеречь (субъектов доказывания. — Н. К.) от совершения уголовно-процессуальных и тактических ошибок» (с. 44). Что же касается тех оппонентов, которые спорят и сомневаются, авторы однозначны в их объективной оценке, уверенно полагая: «Большинство таких возмущений носит необоснованный, неаргументированный, а иногда даже псевдонаучный характер», ибо «мнимая простота уголовно-процессуального доказывания многих увела по ложному пути». Отсюда «процедура доказывания так и остается непознанной, отпугивая зыбкостью материи тех, кто уловил тонкости этой процедуры, но все-таки стоит рискнуть» (с. 47).

Авторы монографии не побоялись — рискнули. Причем не только в «обосновании» уровня уголовно-процессуального доказывания, но и в вопросе преобразования информации в доказательство. Несмотря на то, что уголовно-процессуальная наука, как и криминалистическая, — предваряют свои подходы в этом вопросе авторы монографии, — должны служить нуждам практики, не следует отождествлять науку и практику. Именно неверная расстановка аспектов в исходных вопросах дела делает ничтожной практическую значимость уголовно-процессуальной (криминалистической) науки, а саму науку превращает в суррогат. Более того, «...брожение вокруг одних и тех же идей, отказ от исследования межотраслевых проблем обостряет эту ситуацию, в конце деформируя форму и содержание наук антикриминального цикла» (с. 48, 49).

Не будем «бродить», а перейдем непосредственно к сути авторских суждений и итоговых выводов относительно «преобразований» и «интерпретаций» в уголовно-процессуальном доказывании:

— «...чтобы стать доказательством, — констатируют авторы, — извлеченная из отображения информация должна быть подвергнута установленной законом процедуре преобразования» (с. 57). Каким именно федеральным законом установлена эта (законная) процедура, в чем именно суть этого преобразования,

исследователи, пока должным образом не поясняют;

— ясность в этом вопросе объективируется в одном из следующих тезисов, по сути которого или информация «облекается в одну из форм, закрепленных в части 2 статьи 74 УПК РФ, и происходит «рождение» доказательства или остается в исходной зафиксированной форме и используется в иных целях» (с. 84). Согласимся с этим суждением, ибо исключительно через легальную процессуальную форму источников (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) информация объективируется в виде легального доказательства;

— в подтверждение того, что мы верно поняли вектор суждений исследователей, свидетельствуют и тезисы о том, что «...доказательства в готовом виде не существует. Преступное деяние оставляет лишь отображения, в случае если имеется возможность их познать, то — следы, но при этом сам след не может стать аргументом одной из сторон в доказывании. Он содержит еще непознанную и неинтерпретированную информацию. Отсюда именно интерпретация и преобразование информации по факту и формируют уголовно-процессуальное доказательство» (с. 74, 75). Согласимся и с этим, если, конечно, под преобразованием следует понимать законный способ придания информации собственно легальной процессуальной формы, закрепленной в части 2 статьи 74 УПК РФ;

— «указанное, — развивают мысль авторы монографии, — естественно, касается любых доказательств: показаний участников процесса, заключения эксперта и специалиста, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий, иных документов», поскольку изначально они существуют лишь как информация и, чтобы их преобразовать в доказательство, необходимо применение познавательной процедуры, закрепленной в УПК РФ (с. 75). Любопытно, разве законная форма собирания (формирования) показаний, заключения эксперта, оформления протоколов следственных действий не есть сама форма преобразования информации в собственно процессуальное доказательство? Несколько ранее, помнится, именно авторы утверждали, что посредством «облечения в законную форму» рождается подлинно доказательство;

— «нет, — оппонировать авторы монографии — основной составляющей формирования доказательства является не столько облечение информации в уголовно-процессуальную форму, сколько ее познание и интерпретация

субъектом доказывания, то есть формирование не содержательной стороны доказательства, а «использование ее таким образом, чтобы она способствовала установлению обстоятельств совершенного преступления». При этом само помещение информации в оболочку является уже производным действием (с. 78). Глубоко познавательно! Оказывается основа доказательства вовсе не в производстве качественных следственных действий, как ранее нас уверяли, а именно в мысленном познании и субъективной интерпретации информации субъектом доказывания, в способах ее «правильного» использования, естественно, правильно мыслящим субъектом. Согласимся, в этом (принципиально новом) контексте производство и оформление следственных действий, конечно, производно от всецело определяющей мыслительно-аналитической деятельности;

— «именно, — итожат авторы, — ибо представляется логичным, что формирование доказательств выходит за рамки такого элемента доказывания, как собирание доказательств» (с. 79).

Как резюме: нет никаких доказательств ни в показаниях свидетелей-очевидцев, ни в вещественных доказательствах, приобщенных к материалам уголовного дела, ни в заключении эксперта, сформировавшего систему итоговых выводов на основании специальных исследований и посредством специальных познаний. Нет их в протоколах обыска, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, ибо доказательство появляется не там и тогда, когда (в установленном законом порядке) были реализованы и объективно зафиксированы результаты действий познавательного характера, а лишь после того, как властный субъект доказывания (силой мыслительной деятельности) преобразовал данные факты в правильном направлении. К примеру: направлении субъективного «удобства» для раскрытия преступления. В итоге именно мысленно-аналитическая деятельность рождает, создает, формирует подлинно доказательства для целей уголовного судопроизводства и правосудия. Отсюда в целом логично (в соответствии с уровнями доказывания), что формирование доказательств выходит за рамки такого практического элемента доказывания, как собирание доказательств (ст. 86 УПК РФ). «Выходит», видимо, и за рамки собственно уголовного процесса. Исключительно мысленно-аналитические «преобразования» и интеллектуальные «интерпретации»: суть единственно правильный, реальный, эффективный процесс доказывания.

Полагаете, утрируем? Нисколько. Мы следуем тезисам и итоговым выводам авторов монографии (с. 79, абз. 2). Следуем, несмотря на то, что уважаемые коллеги в принципе не приемлют доводов тех оппонентов (к примеру, А. С. Александрова), которые ставят под сомнение подлинно научную и практическую ценность криминалистических «уровней» и основанных на их основе «концепций». Не приемлют, ибо твердо уверены, что эти нападки можно объяснить исключительно тем, что «...у каждого уважающего себя ученого уровня доктора наук с годами формируется своя непоколебимая точка зрения относительно исследуемых проблем», и именно последняя «позволяет им отрицать все, что не укладывается в систему их координат» (с. 48).

Признаем, мы в полном неведении относительно нашего текущего «уровня». Скорее всего, именно в этом суть большинства из высказанных в рецензии «необоснованных, неаргументированных, псевдонаучных возмущений», которые,

скорее всего, будут отвергнуты подлинно компетентным юридическим научным сообществом. Если, конечно, сообщество принципиально иначе и качественно оценит суть и содержание изданной монографии, и вклад коллег в приращение научного знания.

Список источников

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов, Л. М. Карнеева [и др.]; под ред. Н. В. Жогина. М., 1973.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 45 т. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 27.

References

1. The theory of evidence in the Soviet criminal process / R. S. Belkin, A. I. Vinberg, V. Ya. Dorokhov, L. M. Karneeva [and others]; ed. by N. V. Zhogin. Moscow, 1973.
2. Lenin V. I. Complete Works: in 45 vol, 4th ed. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1950. Vol. 27.

Информация об авторе

Н. Н. Ковтун — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

N. N. Kovtun — Doctor of Law, Professor.

Рецензия поступила в редакцию 02.11.2021, принята к публикации 13.12.2021.

Review was submitted 02.11.2021; accepted for publication 13.12.2021.